Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ

Любые античные вазы из Северного Причерноморья: путешествие к трансцендентальному

А. Г. Букина¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории коллекционирования и антикварной торговли античными расписными вазами (в том числе коринфской, беотийской, эвбейской, греческой геометрической, италийской, кипрской керамикой), которые в 1890–1910-е гг. рассматривались в качестве находок в Южной России (в Крыму, в районе Одессы и на Таманском полуострове). Эти предметы, хранящиеся сейчас в разных музеях России, в то время были важны для русских исследователей и любителей отечественной истории как элемент, обогащающий красками ожидаемую картину «уголка Древней Эллады на Юге России».

Annotation. The author analyzes the historical background for collecting and trading in the ancient painted pottery (Corinthian, Boeotian, Euboean, Greek geometric, Italiote, Cypriot) which was considered as finds from the South Russia (Crimea, Odessa region and Taman peninsula) during 1890–1910s. At that time these specimens of ancient pottery played an important role as an element bringing more colors to the expected image of “the Classical Hellas in the South Russia”. The pieces are currently available for studies in various Russian museums.

Ключевые слова: история коллекций античных расписных ваз, торговля античными древностями в России в 1890–1910-е гг., Императорская археологическая комиссия, архивные документы.

Keywords: history of collecting of ancient painted vases, trade of Classical antiquities in Russia during 1890–1910s, Imperial Archaeological Commission, archival papers.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-239-251

Знакомство с коллекциями античных расписных ваз в отечественных музеях по разным причинам постоянно возвращает нас мысленно к тому времени, когда «после присоединения к Российской империи Крыма и всего Северного Причерноморья <...> во вновь обретенные земли отправлялись ученые путешественники, да и просто энтузиасты-любители классических древностей <...>; их умы были заняты мечтой об уголке Древней Эллады на Юге России, о сопричастности

исторической судьбы нашего государства к ее великому наследию. <...> „Мы имеем право вообразить себе города античного мира покрытыми целым лесом статуй, колонн и храмов и все уголки жилищ и гробниц скольконибудь достаточных (т. е. состоятельных. — Ю. В.) из их обитателей наполненными множеством прекрасных художественных произведений меньшего размера“, – так писал по этому поводу П. М. Леонтьев» (Виноградов, 2000. С. 99 (Ч. 2. Путешествия к трансцендентальному)).

Конечно, расписным вазам (таким своеобразным и информативным со всех точек зрения) в картине трансцендентального

¹ Д-р искусствоведения, науч. сотрудник Отдела античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: bukina@genuinepearl.spb.ru.

Северного Причерноморья, которая занимала умы всё XIX столетие, должно было принадлежать особое место. И вот они сначала появились и украсили собой дореволюционные коллекции Санкт-Петербурга (императорские и частные), а потом переместились в самые разные точки советской музейной сети (Петракова, Букина и др., 2019. С. 5–32, 199–218, 273–290).

Вплоть до конца 1910-х гг. в петербургских аристократических особняках еще существовали домашние музеи, где хранились вазы, вывезенные из Италии в первой половине XIX в.; иногда владельцы и наследники перепродавали их другим русским коллекционерам и даже вывозили обратно в Европу (Там же. С. 21–24). Императорские коллекции уже начали пополняться античной керамикой из раскопок на Юге России, но что касается частных собирателей, то еще в 1880-е гг. южнорусские античные вазы в Санкт-Петербурге приобрести было практически негде. В 1887 г. об отсутствии открытого рынка классических антиков прямо говорил И. Тонголатти, известный столичный антиквар. Это был владелец «магазина древностей и всякого рода предметов искусства, новых и старых картин» (Северюхин, 2008. С. 168–169). Тонголатти сообщал иностранному клиенту, который желал продать через него некую вазу (Букина и др., 2019. С. 253–255, ил. 5–6), что это не получится, поскольку «здесь в Петербурге вовсе нет частных дилетантов (любителей. — А. Б.) древностей, как в других европейских странах» (АГЭ. Ф. I. Оп. V. 1887. Д. 2. Л. 187–188об.); поэтому Тонголатти советовал добиваться, чтобы вазу приобрели для Императорского Эрмитажа.

О том, как менее чем за 10 лет всё изменилось, мы знаем из воспоминаний, составленных в 1916 г. петербургским коллекционером А. А. Пальниковым (Петракова, Букина и др., 2019. С. 273–290). Пальников писал, что его собственное «собрание греческих древностей, получило основание <... когда> в 1893 году на вербном торге у Гостиного двора в Петрограде впервые появился торговец

древностями из раскопок Юга России. Торговал он монетами и разной бронзовой мелочью, сильно покрытой окисью. Ничего интересного у него не было, и всего товару у него был один лоток» (ПГНИУ. *Опись Пальникова*, преамбула). Вербный торг на Невском проспекте устраивали «перед Гостиным двором, между зданием и тротуаром, на вербной неделе» (Кони, 1922. С. 54). Там «среди невообразимой толкотни и выкриков продавали пучки верб и вербных херувимов <...> и неизбежные воздушные шары, и живых птичек <...> и было бесконечное количество всяких восточных сладостей» (Добужинский, 1987. С. 20), а также «торговавшие всяким вздором лавчонки на открытом воздухе» (Бенуа, 1980. С. 536).

Дальше по Садовой античные древности среди прочих можно было найти в лавках со старыми вещами в Апраксином дворе (Шуманский, 1905. С. 149–151). В начале 1900-х гг. они встречались у Беженцева (адрес лавки — Шмитов проезд, № 4), Кручинина (лавка № 83) и Савельева (Михайловский проезд, № 438).

На рубеже веков в обеих столицах стали проводить еще и нерегулярные специализированные торги. Их устраивали заезжие антиквари из Южной России. О том, что там предлагалось, можно прочитать в анонимном рекламном объявлении (очевидно, 1890-х гг.), которое сохранилось в бумагах Императорского общества поощрения художеств (ГИАСПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 781, 1886–1915. Л. 2–2об.). Судя по перечню в этой листовке, «для господ археологов, нумизматов и любителей древностей <... на продажу было привезено> собрание древностей — Пантикапей <sic!>, Ставромата, Рископорида <sic!>, Котиса, Фанагории <sic!>, Иннинфимеоса <sic!>, Херсониса <sic!> Таврического, Керчи, Босфора Киммерийского, а также древности времен Митридата Понтийского, Римские, Византийские и Скифские». Адрес для покупателей в Москве — «против Александровского сада в гостинице „Кремль“, в Петербурге — «угол Невского и М^{алой} Садовой, д. 54, кв. 38». Неназванный продавец, прибывший

«проездом очень ненадолго», предлагал купить у него «вазы с рисунками», «кувшинчики с рельефами», «светильники с рисунками», «маски различные, а также алебастровые», «разную стеклянную посуду, в том числе слезницы», «амулеты», «ожерелья разного рода», «камни углубленной резьбы и отчасти выпуклой, роскошной художественной работы по сердолику и др.», монеты, «обширный выбор аляповатых терракот», черепицы и ручки «с надписями» и тому подобные небольшие древности.

Пальников покупал у такого приезжего продавца краснофигурные вазы: «В 1895 году, узнав из газетных объявлений, что из Керчи прибыл торговец древностями, я отправился по его адресу. Это был известный нашим собирателям греческой старины Е. Р. Запорожский. Я для первого же раза сделал у него очень удачные приобретения <...> В 1897 году у приехавшего в Петербург Запорожского было приобретено 5 предметов и уже с выбором. Почин был уже сделан, теперь можно было уже фильтровать древности, прежде нежели приобретать их <...>» (ПГНИУ. *Опись Пальникова*, преамбула).

Запорожский, один из самых известных торговцев древностями в Крыму, владел двумя лавками древностей («Частными археологическими музеями») в Керчи и Ялте (Боровкова, 1999. С. 120–124). В 1890-е гг. он скупал предметы у керченских счастливых и пользовался услугами местных мастеров-реставраторов; те подчас и чинили находку, и тут же делали копии с нее — Запорожский выставлял на продажу и то, и другое (Боровкова, 1999. С. 104). О том, что продаются как подлинные, так и «фальсифицированные древности», открыто объявлялось (рис. 1). Запорожский подчас передавал подробные сведения о происхождении ваз. Так, по его словам, одна аттическая краснофигурная пелика, которую приобрел Пальников (Петракова, Букина и др., 2019. Кат. 166), была найдена «на форштадте, в солдатской слободе» (рис. 2). Очевидно, как раз в этом районе была исследована античная усадьба соответствующего времени (Федосеев, 1991).

Рис. 1. Объявление в книге Г. Г. Москвича «Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму» (Одесса, 1897)

Fig. 1. Announcement in a book of G. G. Moskvich "Illustrated Guide to the Crimea" (Odessa, 1897)

Нет нужды говорить о том, что подобные вазы IV в. до н. э. вообще были обнаружены в документированных причерноморских раскопках в большом количестве.

В то же время в магазинах Запорожского можно было найти и целые сосуды, которые принадлежали к нехарактерным для Причерноморья типам и, вероятно, были привезены из других регионов. Возможно, таково было происхождение коринфского лекифа с поясками, который ИАК купила у Запорожского в 1890 г. (Букина и др., 2015. Кат. 716). Это изделие конца V в. до н. э., когда коринфские вазы на внешние рынки уже широко не вывозили. Отдельные подобные лекифы (их, очевидно, продавали в древности как флаконы с благовониями) обнаруживались на Пелопоннесе, Итаке, Сицилии, в Беотии и Македонии. Откуда был экземпляр Запорожского,

Рис. 2. Страница «Описания Музея Великой Греции и ее черноморских колоний» А. А. Пальникова. 1916 г. (часть рукописи ПНИНГУ Опись Пальникова). © Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета

Fig. 2. Page from “Description of the Museum of the Great Greece and its Black Sea Colonies” by A. A. Palnikov. 1916 (part of a manuscript of the Perm State University, Palnikov’s register)
© The Museum of History of the Perm State University

неизвестно, но в документах ИАК, которые цитируются в эрмитажных книгах поступлений, было отмечено, что лекиф относится к числу «древностей, найденных в г. Керчи и на Таманском полуострове» (Архив ОАМ ГЭ. КП № I, разв. 48). Тем не менее, скорее, речь идет об одном из тех сосудов, которые как раз в 1890-е гг. на фоне возраставшего интереса публики начали обогащать ассортимент предложения ваз из Южной России. Среди них появились предметы, которые приобретали связь с причерноморской археологией, исключительно пройдя через руки причерноморских торговцев и коллекционеров.

В деле умножения березанских и ольвийских находок особое место заняли жители Одессы и Очакова. Как пополнялись запасы местных античных ваз, мы знаем, например, из описания Э. Р. фон Штерна. Штерн вспоминал, как осенью 1901 г. в Одессу заезжал знаменитый антиквар Илья (Илие, Элие) «Геладакис из Афин; по заметке, помещенной тогда в местных газетах, он, вследствие ходатайства весьма высокопоставленного лица в Афинах, получил от греческого правительства разрешение на вывоз определенного, довольно значительного, количества древностей <...> чуть ли не <...> сорока ящиков — для продажи их в Императорский Эрмитаж. По дороге <...> он остановился у нас в Одессе. <...> В музей к Штерну» приходили неоднократно после его приезда разные греческие и еврейские торговцы, которые <предлагали разные подлинные и поддельные древности...> Этим же греком привезены были и расписные вазы преимущественно коринфского стиля, которые нашими торговцами продаются под маркой „березанских“» (Штерн, 1906. С. 12–14).

В Эрмитаже есть немногочисленные (ни о каких сорока ящиках речь не идет) поддельные и подлинные античные вещи, купленные в начале 1900-х гг. у Геладакиса. В одном случае отмечено, что вазы (в том числе кратер геометрического стиля; Борисковская, 2008, ил. 1) происходят из Греции (Архив ОАМ ГЭ. КП № II, разв. 60); в другом — что предметы Геладакиса были «найжены отцом его в родном имении около Керамика и в Эретрии» (Архив ОАМ ГЭ. КП № II, разв. 52). Работы Геладакиса с компаньонами на юго-западном берегу острова Эвбея в 1890-е гг. и на рубеже веков были широко известны (Garnier, 2002. Р. 20). Геладакис также устраивал большие распродажи антиков за границей (Catalogue Drouot), и европейские и американские собрания в настоящее время хранят приобретенные у него античные статуи, вазы, терракоты и ювелирные изделия, подлинные и поддельные.

Вазы коринфского стиля под маркой березанских предлагались к приобретению служащим ИАК в течение следующих 15 лет. Среди них были и совершенно целые (рис. 3),

и необычайно ранние, и просто даже до сих пор нехарактерные для причерноморских раскопок образцы.

В 1901 г. купили найденный вроде бы на Березани целый этрусско-коринфский остродонный арибалл последней трети VII в. до н. э. (Букина и др., 2015. Кат. 749). Аналогичный предмет, но уже «найденный в Керчи», в 1913 г. был получен «в дар от студента Ю. П. Гриневича» (Там же. Кат. 746).

Целые и ранние коринфские вазы (пере)продавали Шломо и Лейб Израилевичи Гохманы (Гаухманы), известные тем, что около 1900 г. почти «совсем монополизировали в своих руках торговлю ольвийскими древностями, которые невозможно <стало> купить непосредственно у парутинских мужиков» (Штерн, 1900. С. 82). На рубеже веков Гохманы установили долговременные отношения с ИАК, обратившись сперва с ходатайством через главу Херсонской губернии. Губернская администрация рекомендовала приобретать то, что предлагает «очаковский торговец древностями Лев (Лейба) Гохман», поскольку «немедленное и при том достаточное вознаграждение владельцев ольвийских древностей даст возможность обеспечить дальнейшее поступление интересных находок в Императорскую Археологическую Комиссию, вместо продажи их частным коллекционерам или вывоза за границу» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1898. Д. 8. Л. 31–31об.). Позже, с конца 1900-х гг., дело Гохманов процветало в Одессе, и тогда в продаже древностей ИАК, по поручению Шломо, участвовала и его жена, Гodelь Гохман (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1909. Д. 39. Л. 100).

Не все имена очаковских продавцов античных ваз были зафиксированы в документах ИАК, хотя сведения, полученные от некоторых из этих людей, особенно интересны, например, в тех случаях, когда упоминаются малоизвестные или неизвестные места находки. Так, в 1903 г. у кого-то, чье имя не сохранилось, были приобретены целые, необычной (для коринфской керамики из района Днепро-Бугского лимана) сохранности чернофигурные сосуды: амфориск 560-х гг.

Рис. 3. Коринфский чернофигурный амфориск. 560-е гг. до н. э. © Государственный Эрмитаж

Fig. 3. Corinthian black-figure amphoriscos. 560s BC. © The State Hermitage Museum

до н. э. (рис. 3) (Букина и др., 2015. Кат. 156) и арибалл 630-х гг. до н. э. (Там же 273, 285–289. Кат. 18). Оба сосуда, по словам продавца, нашлись у села Викторовка Одесского уезда Херсонской губернии. Есть ли там неподалеку ранний некрополь, откуда могут происходить целые вазы, — неизвестно.

Однако точно известно, что в том же 1903 г. среди купленных «от господина» Ицко-Береш Мошкова Нахмановича древностей, вырытых в деревне Парутине и на острове Березани» (Архив ОАМ. КП № II, разв. 54) оказалась ойнохоя с рельефным выпуклым декором, исполненным по мотивам коринфской чернофигурной анималистической росписи (рис. 4) (Букина и др., 2015. Кат. 18).

Рис. 4. Сосуд с рельефным декором по мотивам чернофигурной коринфской анималистической росписи. Конец XIX — начало XX в.
© Государственный Эрмитаж

Fig. 4. Vessel with relief decoration based on Corinthian black-figure animalistic vase-painting. The end of 19th — the beginning of the 20th century.
© The State Hermitage Museum

Рис. 5. Беотийская чернофигурная лекана. Третья четверть VI в. до н. э. © Государственный Эрмитаж
Fig. 5. Boeotian black-figure lekane. The third quarter of the 6th century BC. © The State Hermitage Museum

Облик этого изделия рубежа XIX–XX вв., а также его характерное состояние (ваза была разбита и склеена, и местами покрыта неким сероватым составом, имитирующим налет почвенных солей) не оставляет никаких сомнений в чистоте намерений продавца — самого Нахмановича, «проживающего в гор<оде> Очаков Херсонской губ<ернии>» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1903. Д. 8. Л. 38), или кого-то из его неизвестных контрагентов, перепродававших «под маркой березанского» или ольвийского всё, что попало в руки — чем экзотичнее, тем лучше.

Впрочем, если оставить эти эксцессы в стороне, нужно сказать, что керамика Коринфа и ее восточно-греческие имитации, изготавливавшиеся в VI — начале IV в. до н. э., в причерноморской археологии хорошо известны. Этого, однако, нельзя сказать о расписных вазах Беотии: «данные о находках беотийской керамики в Северном Причерноморье <...> не внушают доверия» (Борисковская, 2008. С. 14).

Беотийские чернофигурные вазы VI–V вв. до н. э. в 1900-е гг. ИАК, конечно, тоже приобретала, и они поступали в Эрмитаж. Есть покупка «из Ольвии» (рис. 5) (Там же. Ил. 6) и «с Березани» (Там же. Ил. 7). Кроме того, «сведения о находках беотийских ваз в Северном Причерноморье оперативно появились в археологических отчетах и в научной литературе» (Там же. С. 14). О последствиях беспокоился и современный исследователь беотийской чернофигурной керамики К. Килински, который предупреждал: «Необходимо помнить, что <...четыре опубликованные леканы третьей четверти VI в. до н. э., произведенные в Беотии>, по сообщениям, происходят из Малой Азии и Северного Причерноморья, и, если это верно, то тут может появиться реальное свидетельство соответствующих связей между регионами» (Kilinski, 1990. Р. 39). За исключением хранящейся в Лейдене леканы «из Малой Азии», остальные как раз и были приобретены ИАК на Юге России. В связи с этим, а также поскольку известно, что Южную Россию в начале 1900-х гг. посещали такие продавцы, как Геладакис,

Рис. 6. Музей А. Ф. Эльтермана. Фото И. Оцуа. 1914 г. © Государственный Эрмитаж

Fig. 6. Museum of A. F. Elterman. Photo by I. Otsup. 1914. © The State Hermitage Museum

проблему, затронутую Килински, вероятно, можно пока опустить.

Беотийские вазы, которые Геладакис вез в своих «сорока ящиках», но не продал в Эрмитаж, по-видимому, разошлись по рукам русских коллекционеров и антикваров. Одним из них мог быть крупный петербургский дилер Аарон (Арон) Фролович (Рохович) Эльтерман (рис. 6) (Петракова, Букина и др., 2019. С. 273, 285–289). В 1910-е гг. беотийские и эвбейские чернофигурные сосуды приобретались у Эльтермана для Эрмитажа (Борисковская, 2008, ил. 14, 15; также Гос. Эрмитаж, инв. № ГР.8651 (Б.2744)). В начале 1920-х гг. купленные у Эльтермана изделия мастерских Беотии и Эвбеи поступили в музей Пермского университета

(рис. 7–8) (Петракова, Букина и др., 2019. Кат. 69, 98–100).

Среди этих последних обращает на себя внимание маленький двуручный кубок геометрического периода редкого типа (рис. 7) (Там же. Кат. 69). У Эльтермана он соседствовал с многочисленными вазами, обычными для причерноморских раскопок, почти как тот фрагмент эвбейской геометрической котилы, который чудесным образом соединился с образцами типичной керамики из Истрии в Кембриджском музее классической археологии (Boardman, 1991). Рядом с коробком, где лежали все эти обломки, как рассказал в свое время Дж. Бордман, хранилась керамика из Аль-Мины (и эвбейский фрагмент типичен

Рис. 7. Канфар миниатюрный расписной геометрического стиля. Беотия (?), VIII в. до н. э.
© Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета
Fig. 7. Small Geometric kantharos. Boeotia (?), the 8th century BC. © The Museum of History of the Perm State University

Рис. 8. Пиксида чернофигурная. Эвбея (?), V в. до н. э. © Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета
Fig. 8. Black-figure pyxis. Euboea (?), the 5th century BC © The Museum of History of the Perm State University

как раз для этого центра); то и другое «было внесено в каталог и надписано <годы спустя после поступления в музей...>. Так что надо было почти ожидать, что непомеченный фрагмент переместится из одного лотка или коробка в другой во время занятия, на котором сравнивали керамику из колоний» (Boardman, 1991. Р. 389). Иными словами, рассматривая теперь геометрический кубок среди причерноморских античных ваз Эльтермана, никаких смелых выводов делать не нужно.

Некоторые беотийские сосуды можно различить на фотоснимке Археологического музея Эльтермана (рис. 6). Этот снимок был сделан в Петербурге, на Гороховой, 27, в 1914 г., когда владелец отмечал юбилей своей фирмы (15 лет антикварного дела и 25 лет — часового) и по этому случаю приглашал туда всех желающих с 10 до 17 часов (кроме праздников) для бесплатного осмотра экспозиции древностей. На фотографии видно, что витрина снабжена внутренним электрическим освещением. Экспозиции античных залов Эрмитажа таких усовершенствований в то время еще не имели (Букина, 2014).

В витрине за спиной Эльтермана стоят итальянские вазы; некоторые из них, а также более крупные итальянские сосуды, которые на фотографии не видны, были проданы в конце 1910-х гг. и в настоящее время хранятся в музее Пермского университета (Петракова, Букина и др., 2019. Кат. 125, 184, 185–187, 189–197). Как минимум три из них в свое время находились в Одессе и хранились в коллекции Е. А. Шуманского; коллекция была распродана в первой половине 1900-х гг. после того, как владелец безуспешно предлагал ее целиком в Императорский Эрмитаж (Васько, 2015). Три вазы, приобретенные Эльтерманом, зафиксированы на photographиях коллекции Шуманского, которые хранятся в Эрмитаже (рис. 9 (справа) — 10). По поводу одной из них, краснофигурной апулийской пиксиды (рис. 6 (в центре)) (Там же. Кат. 194) Шуманский твердо сообщал в письме Г. Е. Кизерицкому: «Круглая коробка с крышкой. Ольвия» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1901. Д. 42. Л. 1–1об.). Это объяснимо, поскольку, как отмечал в 1904 г.

Э. Р. фон Штерн, «вазы южно-италийского типа появились на археологическом рынке в последние годы в довольно значительном числе <...> Местом их нахождения всегда называется Ольвия», и еще, говорил Штерн, италийские вазы в Одессе предлагаются постоянно в течение около десяти лет и даже недорого, и что «эти южно-италийские сосуды найдены в Италии и привезены в новейшее время нашими торговцами сюда, чтобы их продать под флагом ольвийских находок», сомневаться не приходится (Штерн, 1904. С. 57).

Так же как в случае с коринфской керамикой, вместе с подлинной привозной италийской предлагались и подделки под нее. И Шуманский тоже продавал одну подобную вещь (рис. 9, в центре); он писал о ней как о «вазе из простой глины, с рельефными изображениями и фигурами, какой нет ни в одном из русских музеев. Ваза найдена в 1900 г. при раскопках на острове Березани.., что подтверждает священник города Очакова, отец Николай Левицкий» (Шуманский, 1905. С. 133). Уникальность сосуда ценил также Кизерицкий, который писал в заключении о коллекции Шуманского, рекомендуя приобрести ее для Эрмитажа: «Несколько лет тому назад я слышал от разных торговцев, привезших древности в Ст. Петербург, об одной вазе, украшенной терракоттами <sic!>, о которой <sic!> говорились чудеса» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1901. Д. 33. Л. 13). Архивная аннотация к фотографии, где чудесная ваза запечатлена (рис. 9), гласит, что она более всего напоминала эллинистические полихромные изделия, которые называют по имени города Канозади-Пулья, хотя, по признанию владельца, ваза была из «простой глины», иными словами не расписанная яркими (голубыми, розовыми, золотистыми) красками, как лучшие канозы.

Подлинная полихромная ваза эллинистического периода, хотя и не такая красочная, как канозы, а относящаяся к группе т. н. давнийской расписной керамики, тоже была среди березанских покупок ИАК. Поздний образец этой группы (III в. до н. э.), фимиатерий (Гаталина, 1984. Кат. 23), был куплен в Николаеве у некоего господина Войтина-

са вместе с большим кипрским кувшином с двуцветной росписью (bichrome IV) (рис. 11) (Букина *et al.*, 2008. Кат. 73). Фимиатерий при покупке считался «глиняной же подставкой» к этому кувшину (рис. 12) (ОИАК за 1903 год. С. 152, рис. 303).

Круглое тулово кипрского кувшина (это ойнохоя) украшено яркими орнаментами и двумя большими фигуративными клеймами (под ручкой и напротив нее). В клеймах изображены богиня в египетской одежде, ожерелье и парике, вдыхающая аромат лотоса, и обнаженный лучник, охотящийся на птиц. Поврежденная лишь по верху горла, в остальном целая и превосходной сохранности ваза оценена в наши дни как одно из лучших известных произведений группы bichrome IV с фигуративной росписью (Karageorghis *et al.*, 2005. Р. 104). Такие сосуды изготавливали во второй половине VIII — VII в. до н. э. на востоке или юго-востоке Кипра, о чем свидетельствуют как данные о преимущественных местах находок, так и естественно-научные тесты этой керамики (Karageorghis, 1981. Р. 120; Tschegg *et al.*, 2008. Р. 1145; Tschegg *et al.*, 2009).

Кроме ойнохои ИАК немного раньше приобрела у того же священника г. Очаков, отца Левицкого, целую кипрскую фляжку с геометрической росписью по белому фону IX–VIII вв. до н. э. (группа white painted III) «с Березани» (Букина *и др.*, 2008. Кат. 19). Конечно, может быть, и не было бы ничего удивительного, если бы на Березани «нашли какую-нибудь кипрскую керамику, соответствующую местному наиболее раннему контексту <...>, что свидетельствовало бы о раннем потоке кипрских изделий в восточно-греческие города» (Boardman, 1991. Р. 389). Однако наверняка ни целые сосуды VIII в. до н. э., ни удивительные комплекты из целых же, превосходного качества расписных ваз, произведенных с разницей в 300–500 лет, не были бы встречены так же спокойно.

И все же, так или иначе, известные по музейным коллекциям и архивным материалам античные вазы (упомянутые здесь и оставшиеся в тени) дают нам не реальную, но абсолютно завораживающую картину античного

Рис. 9. «Италийская керамика и ваза Каносса». 1901 г. Фотография. © Государственный Эрмитаж
Fig. 9. "Italiote pottery and Canosa vase". 1901. Photo. © The State Hermitage Museum

Рис. 10. Апулийская краснофигурная амфора. Середина IV в. до н. э.
© Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета
Fig. 10. Apulian red-figure amphora. The middle of the 4th century BC.
© The Museum of History of the Perm State University

Рис. 11. Ойнохоя с двуцветной росписью. Кипр, 750–600 гг. до н. э. © Государственный Эрмитаж
Fig. 11. Bichrome oenochoe. Cyprus, 750–600 BC. © The State Hermitage Museum

мира на северном побережье Чёрного моря, как ее рисовали себе петербургские энтузиасты (собиратели, исследователи) первых двух десятилетий XX в. Это, поистине, любые вазы самых интересных разновидностей, из многих

Рис. 12. Лист из Отчета Императорской Археологической Комиссии за 1903 г.
Fig. 12. Page from the Report of the Imperial Archaeological Commission, 1903

частей Средиземноморья и разного времени производства. И вазы эти очень украшают отечественную античность, пусть даже и такую, которой никогда не существовало и которую некогда только надеялись найти.

АГЭ. Ф. I. Оп. V, 1887. Д. 2: О приобретении.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1898. Д. 8: § 3 Приобретение ценных предметов для пополнения Эрмитажа, покупка картин и проч<их> художественных произведений по всем отделениям Эрмитажа.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1901. Д. 33: О коллекции античных росписных ваз штабс-капитана Е. А. Шуманского.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1901. Д. 42: О коллекции древностей Е. Шуманского.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1909. Д. 39: Переписка Отдела древностей с разными лицами.

Архив ОАМ ГЭ. КП № I: Входящая книга Отделения Греко-Римских Древностей (I-го Отделения) Императорского Эрмитажа. № I. 1883–1893.

Архив ОАМ ГЭ. КП № II: Книга для записывания новых приобретений по отделению Древностей № II. 1893–1914.

ГИАСПБ. Ф. 448. Оп. 1. Д. 781, 1886–1915: Каталоги экспонатов музея [Императорского общества поощрения художеств], описание их, списки экспонатов.

ПГНИУ. Опись Пальникова: Пермский государственный национальный исследовательский университет, фонды Музея истории, Опись

- египетской коллекции Александра Александровича Пальникова, 1908–1909 гг., 1 января 1909 г., Санкт-Петербург.
- Бенуа, 1980 — Бенуа А. Мои воспоминания: в 5 кн. Кн. 1–3. М.: Наука, 1980. 711 с. (Литературные памятники).
- Борисковская, 2008 — Борисковская С. П. Беотийские вазы в Эрмитаже // ТРЭ. Т. XLI. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2008. С. 5–24.
- Боровкова, 1999 — Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Деметра, 1999. 160 с. (Древности Керчи. Кн. 4).
- Букина, 2014 — Букина А. Г. Выставки античных расписных ваз Императорского Эрмитажа // СГЭ. [Вып.] 72 (2014). С. 213–230.
- Букина и др., 2008 — Букина А. Г., Горская О. В., Дюков Ю. Л. Древности Кипра: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 128 с.
- Букина и др., 2015 — Букина А. Г., Петракова А. Е., Алексинский Д. П. Коринфские вазы и их античные имитации: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 456 с.
- Букина и др., 2019 — Букина А. Г., Гуляева Н. П., Горская О. В. Древности Стефана Верковича в Эрмитаже // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 8. Памяти С. Р. Тохтасьева / Ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2019. С. 230–275.
- Васько, 2015 — Васько Д. С. Одесский собиратель Е. А. Шуманский и его коллекция древностей // Клио. 2015. № 11 (107). С. 118–130.
- Виноградов, 2000 — Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 2000. № 3. С. 98–128.
- Гаталина, 1984 — Гаталина Л. И. Расписная керамика местных апулийских мастерских // ТГЭ. Т. XXIV. Л.: Искусство, 1984. С. 34–48.
- Добужинский, 1987 — Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с. (Литературные памятники).
- Кони, 1922 — Кони А. Ф. Петербург: Воспоминания старожила. Пг.: Атеней, 1922. 80 с.
- ОИАК за 1903 год — Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1906. 253 с.
- Петракова, Букина и др., 2019 — Петракова А. Е., Букина А. Г. при участии Алексеева А. И., Баженовой О. К., Гузанова А. Н., Намойлик А. С., Ромашовой М. В., Тарарухиной Е. С., Фроловой А. А. Малые коллекции античных ваз в музеях России / Отв. ред. В. Н. Зинько. СПб.; Керчь: БФ «Деметра», 2019. 567 с.
- Северюхин, 2008 — Северюхин Д. Я. Старый художественный Петербург: Рынок и самоорганизация художников от начала XVIII века до 1932 года. СПб.: Миръ, 2008. 534 с.
- Федосеев, 1991 — Федосеев Н. Ф. Поселение «Госпиталь» // Проблемы археологии и истории Боспора: К 165-летию основания Керченского музея древностей: ТДК. Керчь: Б. и., 1991. С. 29–31.
- Штерн, 1900 — Доклад члена совета Э. Р. фон Штерна по поводу вновь приобретенных музеем древностей, особенно нового эпиграфического материала // ЗООИД. 1900. Т. 22, ч. 4. С. 82–92.
- Штерн, 1904 — Доклад члена Э. Р. фон Штерна. Археологические новинки // ЗООИД. 1904. Т. 25, ч. 4. С. 54–62.
- Штерн, 1906 — Доклад члена Э. Р. фон Штерна. О новом способе подделки античных расписных ваз // ЗООИД. 1906. Т. 26, ч. 6. С. 5–15.
- Шуманский, 1905 — Шуманский Е. А. (сост.). Справочная книга для русских библиофилов и коллекционеров. Одесса: Типо-лит. А. Шульце, 1905. XVIII, 205 с.
- Boardman, 1991 — Boardman J. Early Greek pottery on Black Sea sites? // OJA. Vol. 10 (1991), no. 3. P. 387–390.
- Catalogue Drouot — Catalogue de la collection M. E. [Geladakis], vente Drouot, 2–4 juin 1904. Paris, 1904. 76 p.
- Garnier, 2002 — Garnier B. Rodin: Antiquity is my youth: A sculptor's collection. Paris: Musée Rodin, 2002. 79 p.
- Karageorghis, 1981 — Karageorghis V. Ancient Cyprus. Baton Rouge (LA): Louisiana State University Press, 1981. 204 p.
- Karageorghis V. et al., 2005 — Karageorghis V. in collaboration with Anastasia Bukina [et al.].

Ancient Cypriote Art in Russian Museums: the State Historical Museum, Moscow; the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow; the State Hermitage Museum, Saint-Petersburg. Nicosia: A. G. Leventis foundation, 2005. XII, 168 c.

Kilinski, 1990 — *Kilinski K.* Boeotian Black Figure Vase Painting of the Archaic Period. Mainz-am-Rhein: Von Zabern, 1990. 80 p.

Tschegg et al., 2008 — *Tschegg C., Hein I., Ntaflos Th.* State of the art multi-analytical geoscientific

approach to identify Cypriot Bichrome Wheel-made Ware reproduction in the Eastern Nile delta (Egypt) // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35. P. 1134–1147.

Tschegg et al., 2009 — *Tschegg C., Ntaflos Th., Hein I.* Integrated geological, petrologic and geochemical approach to establish source material and technology of Late Cypriot Bronze Age Plain White ware ceramics // *Journal of Archaeological Science*. 2009. Vol. 36. P. 1103–1114.

Any ancient vases from the North Black Sea region: a journey to transcendence

A. G. Bukina

During 1890s — 1910s Russian public was interested in collecting of ancient painted vases considered as finds from the North Black Sea region. At that time these specimens played an important role as an element bringing more colors to the expected image of “the Classical Hellas in the South Russia”. The trade of these pieces included both lively commercial exchange in near sites of the North Black Sea (like Olbia, island of Berezan and Bosporan sites) and specialized sales in Saint Petersburg and Moscow. Imported high quality vases (Corinthian, Boeotian, Euboean, Greek geometric, Italiote, Cypriot) were often on sale under the guise of finds from the South Russia. The pieces are currently available for studies in various Russian museums.